

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.33

ТОПОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: ОТ ГЕОГРАФИИ К СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Аникин Даниил Александрович

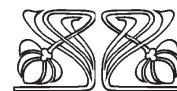
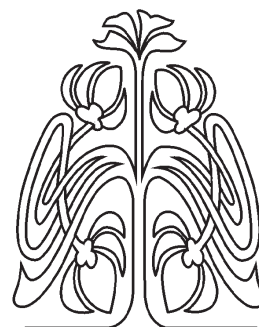
кандидат философских наук,
доцент кафедры теоретической и социальной философии,
Саратовский государственный университет
E-mail: dandee@list.ru

Целью статьи является рассмотрение методологической трансформации понятия «социальное пространство» в контексте социально-философской мысли XX в. Рассматривается отход от первоначального отождествления физического пространства и социального пространства, анализируются проекты пространственного анализа социума, разработанные П. Бурдьё и Б. Верленом. П. Бурдьё рассматривает социальное пространство как совокупность позиций, занимаемых отдельными индивидами, причем соотносительность этих позиций определяется не только объективными общественными отношениями, но и ментальными конструкциями самих индивидов. Б. Верлен, ориентируясь на М. Вебера, выбирает в качестве исходного элемента социального пространства не индивида, а единичное социальное действие. Анализируемые концепции стали важным шагом на пути к возможности отображения в пространственных координатах сложной и многоуровневой структуры современного общества.

Ключевые слова: социальное пространство, топология, методология, социальное действие, социальная память.

Изучение пространственного измерения социальных явлений имеет давнюю традицию в социальной философии, что, с одной стороны, способствовало расширению методологического поля исследований, но с другой – привело к некоторой автономизации пространственного подхода от тех процессов, с которыми сталкивается социальное знание. Иначе говоря, сама категория «социальное пространство» является элементом той категориальной сетки, которая должна обладать свойством трансформации с целью «улавливания» новых социальных явлений. Именно поэтому представляется принципиально важным уяснение тех методологических сдвигов, которые происходят в современной социально-философской мысли с целью экстраполирования новых проблемных полей на концептуальное оформление пространственного подхода.

Социальная философия является базовым элементом целого ряда социальных дисциплин, которые в конце XX в. столкнулись с методологическими проблемами, наиболее существенной из которых оказалась постановка вопроса об обществе как таковом. Понятие «общество», которое для предыдущих поколений исследователей воплощало условие и саму возможность социальных исследований, неожиданно оказалось поставлено под сомнение. Вопрос «как возможно общество?» означал, по сути, неуверенность в обязательности его существования и приводил исследователей к методологической «развилке» или точке бифуркации, которой становилась дискуссия о возможности существования социального

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

без общества. Проблема заключалась в том, что сам термин «общество» перестал быть операциональным при описании социальных процессов, что превращало дискуссию об обществе в обсуждение возможностей выработки соответствующего методологического инструментария путем реконцептуализации данного понятия или полного отказа от него.

Первый путь связан с именем Н. Лумана, который ради сохранения самого понятия «общество» предложил отказаться от двух фундаментальных допущений, на которых покоилось его классическое понимание, – что общество неразрывно связано с индивидами, из которых оно состоит, и что общество имеет пространственное измерение. Избранный им путь реконцептуализации общества посредством использования теории систем подталкивал к такой формулировке его границы, при которой «теория систем как основание теории общества не зависела бы от пространства и времени» [1, с. 34].

Второй путь, предложенный сторонниками конструктивизма (Дж. Урри), стремившимися сохранить проблематику социального пространства и индивида, заключался в изменении масштабирования социального даже путем отказа от «общества» как ключевого понятия социальных наук. В этом смысле одним полюсом такого отказа стало подчеркивание глобальных тенденций в развитии социального, а другим – обращение к повседневным практикам, локальным топосам социального существования [2, с. 63–67].

При втором варианте пространственность социального продолжает оставаться фундаментальной характеристикой социальных явлений, но достигается это ценой отказа от целого ряда неотрефлектированных допущений, на которых опирались классические концепции социального пространства. Прежде всего, стоит затронуть вопрос о влиянии на формирование концепции социального пространства классических философских концепций, а также об уподоблении социального пространства пространству географическому.

В тот момент, когда пространственный подход стал формироваться в социальных науках, общество уподоблялось определенной географической протяженности, территории, к которой применимы характеристики социального описания. Подобное отождествление социального (в первую очередь, политического) пространства и пространства географического можно наблюдать в работах Ш.-Л. Монтескье и первых представителей геополитической традиции (Ф. Ратцель).

У П. Сорокина, стремящего подчеркнуть принципиальную разницу той системы координат, которая упорядочивает физическое и соци-

альное пространство, появляется определение, согласно которому «социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли». [3, с. 298]. Иначе говоря, в его концепции происходит отождествление демографического и собственно социального критерия структурирования социального пространства. В роли структурного элемента этого пространства выступает отдельный человек.

В контексте поисков собственно социальных оснований пространства следует обратить внимание на концепции П. Бурдьё и Б. Верлена, которые, работая параллельно, поставили схожие методологические вопросы о необходимости определения способов структурирования социального пространства вне географических и демографических характеристик.

Социальная теория П. Бурдьё явилась одной из первых попыток преодоления односторонности субъективистских и объективистских методов в исследовании общества путем их синтеза. Его концепция, по собственным признаниям, вырастает из потребности нахождения компромисса между двумя кардинально различающимися способами видения социальной реальности: дюркгеймианским функционализмом и социальной феноменологией. Э. Дюркгейм настаивал на проведении в социальных исследованиях методологической операции, способствующей рассмотрению социальных фактов как объективно существующих вещей, таким образом, игнорируя или сводя к минимуму возможность изучения субъективных предпосылок формирования социального. Представители социальной феноменологии (А. Шюц, Э. Гарфинкель) стремились раскрыть суть общества как, в первую очередь, пространства intersубъективных взаимодействий, строящихся на разделении общих смыслов.

Предложенный Бурдьё метод, основанный на работах Ф. де Соссюра и Л. Альтюссера, получил название «конструктивистского структурализма». Методологическое влияние структурализма проявляется в стремлении найти устойчивые структуры, формирующиеся независимо от воли субъектов, но только уже не в языке или системах родства, как это делал К. Леви-Стросс, а в самой социальной реальности. Такая структура не может быть однозначно отнесена ни к объективной, ни к субъективной реальности, поскольку ее составляют как соотносящиеся друг с другом по классовым или сословным характеристикам социальные страты, так и представления людей. П. Бурдьё обращает особое внимание на то, что система распределения ролей в социальном пространстве во многом зависит от ожиданий индивидов, а значит – от тех стереотипизированных

представлений, которые он получает от предшествующих поколений. Такие модели восприятия социальной действительности, становящиеся основанием для конкретных действий индивида, французский философ называет «габитусами».

Понятие *габитуса* в трактовке самого П. Бурдьё звучит, как «принцип выборочного восприятия индикаторов, направленных скорее на усиление и подтверждение габитуса, нежели на его трансформацию; это – матрица, генерирующая реакции, заранее приспособленные ко всем объективным условиям, идентичным или гомологичным» [4, с. 67]. Объективно сложившиеся социальные связи обуславливают картину социального мира, которая формируется в сознании индивида, после чего он начинает проецировать свои представления на ту социальную структуру, элементом которой является. Получается, что габитус как система устойчивых ожиданий и предпочтений становится важным фактором поддержания или, наоборот, трансформации социальной действительности.

Более того, именно габитус становится базовым элементом конфигурирования социального пространства, поскольку схемы восприятия задают отношение индивида к другим социальным субъектам, а именно – соотносённость предметов, друг с другом и задают пространственное видение реальности [4, с. 49]. В конструктивистском структурализме П. Бурдьё происходит отказ от восприятия человека как единицы социального пространства, поскольку такой единицей, позволяющей устанавливать и упорядочивать отношения между различными элементами, становится габитус.

Соответственно, структура социального пространства определяется распределением габитусов, процессами их взаимного воздействия. Каждый агент в социальном пространстве обладает способностью навязывать окружающим или, наоборот, получать от них определенные установки восприятия социальной действительности, поэтому по своему воздействию габитус представляет собой определенный вид капитала.

Поскольку любой капитал обладает способностью воздействия на практики социальных агентов, то он должен рассматриваться как форма господства, стремящаяся предохранить себя от возможных покушений на сферу своего влияния, а также расширить данную сферу.

Кроме того, это понятие оказывается тесно связанным с проблемой власти, поскольку символическая власть (Бурдьё специально подчеркивает, что власть в современном обществе базируется на символических механизмах) опирается на единообразную стратегию воспроизводства схем

восприятия, оправдывающих существующий социальный порядок в процессе образовательной социализации индивида.

«Символическое насилие», т. е. подчинение индивида определенным культурным моделям, гарантирующим стабильность социального устройства, является важнейшей функцией власти в социальном пространстве. Трансформация пространственных структур социального достигается посредством кристаллизации отношений в системе координат «господство – подчинение», причем невольным сообщником власти оказывается недостаточная компетентность людей в вопросах своей культурной ориентации.

Таким образом, структурирование социального пространства в концепции П. Бурдьё оказывается сопряжено с формированием определенных познавательных схем (габитусов), которые оказывают воздействие на восприятие социальных позиций агентами. Хабитуализация представляет собой процесс выработки познавательных схем, их внедрения в социальную среду и постепенной трансформации под влиянием изменяющихся социальных условий. Особенно стоит отметить, что важным измерением социального пространства становится экономический аспект взаимодействия – габитусы подчиняются логике экономических процессов, выступая активными субъектами влияния. Конкурирующие способы видения социального мира, особенно мемориальных оснований существующих конфигураций распределения ролей и ресурсов, воплощаются в определенных социальных практиках [5, с. 283–284]. Способы поведения оказываются диалектически увязаны с познавательными схемами, трансформируясь под их влиянием и одновременно способствуя переработке сложившихся стереотипов. По сути, П. Бурдьё переосмысливает классические структуралистские догмы, отказываясь от идей централизации и статичности пространственной структуры.

Другой способ определения социального статуса пространства избирает немецкий географ и социальный философ Бенно Верлен. Как ни парадоксально, он призывает при этом отказаться от пространства как от базовой категории социальной науки, указывая, что абсолютизация пространства является наследием субстанциональных идей Нового времени. С его точки зрения, можно выделить три основные концепции пространства:

1) абсолютную, согласно которой пространственная протяженность совпадает с субстанциональным основанием мироздания, существуя независимо от наполняющих эту протяженность предметов (Р. Декарт, И. Ньютон);

2) реляционную, понимающую под пространством лишь порядок расположения тел в пространстве, т.е. напрямую увязывающую пространственную конфигурацию с системой отношений между предметами (Г. Лейбниц);

3) эпистемологическую, согласно которой пространство (наряду со временем) является априорной формой осмысления действительности, существующей в нашем сознании (И. Кант) [6, с. 33].

С точки зрения Б. Верлена, бессмысленно говорить в современной социальной науке о пространстве в абсолютном или эпистемологическом смысле. Во-первых, пространство не может быть зафиксировано вне находящихся в нем предметов, а во-вторых, признание априорности пространственного видения мира не позволяет рассматривать то многообразие пространственных конфигураций социального, которые могут быть получены в результате методологического конструирования.

«Пространство – не эмпирическое, но формальное и классификаторское понятие. Это система координат для физических составляющих действия и обозначение для проблем и возможностей, относящихся к исполнению действия в физическом мире» [6, с. 34]. Такое определение позволяет констатировать методологический характер категории «пространства», позволяющей создавать схемы, в которые вписываются физические аспекты действия. Пространство не существует как реальная физическая величина, но использование пространственных характеристик способствует уяснению связей между материальными воплощениями человеческих действий.

Нетрудно заметить, что в своем обращении к понятию социального действия Б. Верлен следует веберовской традиции в социальной философии. Под действием он понимает «рефлексивную и интенциональную деятельность – сознательно продуманную и “свободно” осуществляемую деятельность, ориентированную на определенную цель» [6, с. 40]. В понимании действия важно указание на то, что его объяснение должно обязательно исходить из интенциональности (цель действия, задуманная индивидом) и результативности (материально фиксируемый итог действия, «акт» в интерпретации А. Шюца).

Без учета интенциональности велик риск скатиться к банальному бихевиоризму, что и делает необходимым выбор в качестве базового элемента пространства именно социального действия. Хотя Б. Верлен сразу ставит вопрос о методологической ограниченности пространственного подхода сугубо материальными аспектами действия. С его точки зрения, пространственное

видение возможно только в случае применимости для анализа предмета исследования пространственных координат (например, широты и долготы), поэтому попытка рассмотрения психологических феноменов чревата редукцией особенностей восприятия наблюдателя к телесной организации субъекта действия. Таким образом, признавая методологические возможности пространственного подхода в социальных науках, немецкий исследователь считает, что сферой применения этого подхода остается мир материальных проявлений. Нетрудно заметить, что подобное ограничение выводит за скобки пространственного видения мир духовных и культурных феноменов, исключая возможность их картографирования. В этом смысле подход Б. Верлена, несмотря на продуктивность его переосмысления категории «пространство» в социальной философии, не может претендовать на методологическое основание для изучения ценностных явлений.

Можно констатировать, что постановка в социальной философии XX в. вопроса о возможности изучения социального без использования понятия «общество» привела к необходимости методологического переосмысления пространственного измерения социальных феноменов. Прежде всего, произошел отказ от отождествления физического и социального пространства, что заставило обратиться социальных теоретиков к поиску новых оснований и критериев структурирования социального пространства. Модели П. Бурдьё и Б. Верлена в данном контексте оказались выработанными в рамках различных методологических традиций, но при этом схожими в логике рассуждений и конечных результатах.

Во-первых, они обратились к поиску базовых элементов социального пространства, сделав упор на отказ от географических и демографических характеристик. Для П. Бурдьё подобным элементом, определяющим создание системы отношений между разрозненными социальными агентами, становится совокупность познавательных структур (габитус). Б. Верлен склоняется к использованию понятия «социальное действие», истолковывая само понятие в веберовском ключе.

Во-вторых, общим свойством рассматриваемых концепций является отказ от крайностей объективистского или субъективистского истолкования социального. Социальность рождается из сочленения элементов психологической реальности и объективных различий в положении и поведении социальных субъектов и осмысливается в виде диалектических пар («габитус – практика» – у П. Бурдьё, «действие – смысл» – у Б. Верлена).

Разработка конструктивистских моделей социального пространства стала важным шагом на пути к переосмыслению самого предмета социальной науки в контексте методологических, технологических и коммуникативных трансформаций, которым подверглось социальное существование человека во второй половине XX в.

Список литературы

1. Луман Н. Теория общества. Общество как социальная система. М., 2004. 304 с.

2. Урри Дж. Мобильности. М., 2012. 576 с.
3. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. 543 с.
4. Бурдьё П. Практический смысл. М., 2001. 288 с.
5. Аникин Д.А. Социальная память как символический капитал // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2013. № 9, вып. 24. С. 282–288.
6. Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1, № 2. С. 26–47.

Topology of Social Space: from Geography to Social Philosophy

D. A. Anikin

Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: dandee@list.ru

The purpose of article is consideration of methodological transformation of the concept «social space» of a context of social and philosophical thought of the XX century. Withdrawal from an initial identification of physical space and social space is considered, drafts of the spatial analysis of the society, developed by P. Bourdieu and B. Verlen are analyzed. P. Bourdieu considers social space as set of the positions taken by certain individuals, and correlation of these positions is defined not only the objective public relations, but also mental designs of individuals. B. Verlen, being guided by M. Weber, chooses as an initial element of social space not the individual, and single social action. Analyzed concepts became an important step on a way to possibility of display in spatial coordinates of difficult and multilevel structure of modern society.

Key words: social space, topology, methodology, social action, social memory.

References

1. Luhmann N. *Theory of Society. Society as social system*. Stanford, 1997. 288 p. (Russ. ed.: Luhmann N. *Teoriya obshchestva. Obshchestvo kak sotsialnaya sistema*. Moscow, 2004. 304 p.).
2. Urry J. *Mobilities*. Cambridge, 2007. 564 p. (Russ. ed.: Urry J. *Mobilnosti*. Moscow, 2012. 576 p.)
3. Sorokin P. A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* (Person. Civilization. Society). Moscow, 1992. 543 p.
4. Bourdieu P. *Practical Reason: On the Theory of Action*. Stanford, 1998. 282 p. (Russ. ed.: Bourdieu P. *Prakticheskiy smysl*. Moscow, 2001. 288 p.)
5. Anikin D.A. Sotsialnaya pamyat kak simvolicheskiy kapital (Social memory as symbolical capital). *Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. (Scientific sheets of BELGU. Series: Philosophy. Sociology. Right), 2013, № 9, vyp. 24, pp. 282–288.
6. Verlen B. *Society, action and space*. London, 1993. 202 p. (Russ. ed.: Verlen B. *Obshchestvo, deystviye i prostranstvo. Alternativnaya sotsialnaya geografiya*. Sotsiologicheskoye obozreniye, 2001, vol. 1, no. 2, pp. 26–47).

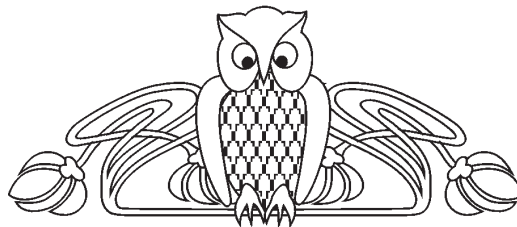
УДК 1(09)

МОДЕЛИ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ

Билибенко Ангелина Владимировна

аспирант кафедры философии,
Курский государственный университет
E-mail: abilibenko@gmail.com

В статье рассматриваются модели философского осмысления психического заболевания, предложенные в рамках междисциплинарных движений и теорий XX в. Анализируются идеи Л. Бинсвангера, Р. Лэйнга, М. Фуко и др., выделяются экзистенциально-феноменологическая, социальная и эпистемологическая модели философской концептуализации психического заболевания. Делается вывод, что во всех трех моделях пси-

хическое заболевание становится своеобразным феноменом, посредством которого анализируются экзистенциальная подоснова бытия, общество, история, т.е. методологическим инструментом, вспомогательной стратегией исследования. Дискурс психической болезни становится, таким образом, не только естественно-научным психиатрическим, но и философским, общегуманитарным.